

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Будущее — это обман

Рефлексия о желании не иметь детей

Аноним

Аноним
Будущее — это обман
Рефлексия о желании не иметь детей
Апрель 2019

Переведено 10.04.2025 с
<https://theanarchistlibrary.org/library/the-future-is-a-scam>

ru.anarchistlibraries.net

Апрель 2019

Этот текст является результатом размышлений и не претендует на исчерпывающую полноту. Мы осознаем, что тема, к которой мы обращаемся, деликатная и что этот текст, вероятно, вызовет сильную реакцию. Тем не менее, мы считаем важным говорить об этом, учитывая гегемонию пронаталистской мысли и последствия, которые она порождает. Наше размышление исходит из анархистской мысли, а значит, из желания покончить с миром авторитарным, индустриализированным, спесиистским (основанным на видовой дискриминации) и т.п.

Первая публикация во Франции в апреле 2019 года

Когда мы пишем эти строки, на Земле насчитывается около 7,7 миллиарда человеческих существ. В Средние века их было менее 500 миллионов. В XIX веке их число превысило миллиард. Шаг в два миллиарда был пройден в 20-е годы, шаг в три миллиарда - незадолго до 60-х. Примерно в 1975 году насчитывалось более четырех миллиардов человеческих особей. В период с 1985 по 1990 год на земную почву ступило пять миллиардов человеческих существ. Перед 2000-ми годами был пройден этап в шесть миллиардов, а в первой половине 2010-х годов мы окончательно преодолели отметку в семь миллиардов. Для тех, кто не в восторге от мысли, что это число снова увеличится, будущее обещает быть весьма мрачным. По самым низким оценкам, рост численности населения продлится до 2080 года, а по самым высоким - как минимум до 2100 года. На данный момент прогнозы не выходят за рамки этой даты. Для нас, как мы увидим далее, человек притеснён столпотворением, и перенаселение, несомненно, влияет как на окружающую среду, так и на всех животных, включая

нас самих. Если этот рост действительно в целом снижается, то это все равно рост, и в этом отношении он для нас проблематичен. Во времена, когда человеческих особей было в семь раз меньше, довольно много анархистов уже задавали себе вопросы, которые мы задаем себе сегодня.

В конце XVIII века экономист Томас Мальтус уже задумывался над проблемой рождаемости. Он предположил, что увеличение доступных ресурсов не следует за ростом населения и что наступит момент, когда они закончатся. Чтобы избежать этого, он рекомендовал контролировать рождаемость. Однако его мысль совпадает с моралью его времени, выступая за отсрочку брачного возраста и целомудрие до него. Кроме того, он предлагал супружеским парам заводить строго то количество детей, которое они точно смогут содержать. Он также рекомендовал прекратить оказывать финансовую поддержку беднейшим слоям населения. Его мысль, кажется, больше направлена всё-таки против последнего и не бросает вызова модели семьи. Сама по себе мысль Мальтуса нас не очень интересует, поскольку она больше обращена к экономике и социальному контролю, чем к эмансипации. Тем не менее, довольно много анархистов в конце XIX века исходили из этой идеи, что бесконечный рост населения рано или поздно окажется в противоречии с тем фактом, что доступные ресурсы ограничены. Эта новая мысль получила название неомальтузианства, а анархисты, согласившиеся с ней, - неомальтузианцев. Несмотря на то, что они были в меньшинстве, они работали над адаптацией мальтузианства к своим эмансипационным перспективам, особенно утверждая, что рожденные дети обречены стать либо канонирами (*младший нижний чин рядового артиллерии — прим. ред*), либо кормом для боссов. Эта адаптация также включала индивидуальные решения по контролю рождаемости благодаря продвижению средств контрацепции и защите

лляции, используемых некоторыми врачами и родственниками, чтобы отговорить людей, желающих сделать аборт). Мы также призываем рассматривать сексуальность как, прежде всего, способ получения удовольствия в одиночку или с другими, а не как репродуктивное средство, и, следовательно, как любую нерепродуктивную сексуальную практику. Эта сексуальность не должна быть обязательной, она должна быть согласованной и желанной.

Доминирующая идея нашего подхода заключается в том, чтобы преодолеть все формы власти и противостоять, среди прочих, этому видовому, гендернонормативному и расистскому миру. Работа, нация, школа, религия, общество и т.д. - все они существуют во имя ребенка, и все они требуют, чтобы ребенок оставался. Будущее, каким мы его себе представляем, кажется нам весьма мрачным. Будь то обещанное бешеным капитализмом или блаженными революционерами, для нас оно скорее похоже на большой обман. Такое видение, конечно, может показаться пессимистичным, но дело не в том, чтобы ждать, пока все произойдет, и ничего не делать. Когда человек тонет, ничто не мешает ему бороться; и даже если надежды мало, по крайней мере, он сделает все, что в его силах. Кто знает, может быть, иногда это может спасти человека. Мы отказываемся позитивно участвовать в этом мире, вкладывая в него новые человеческие существа, и таким образом участвовать в его будущем.

Таким образом, мы видим, что человеческая деятельность влияет на окружающую среду, и чем больше людей, тем больше человеческая деятельность и тем более глобальное воздействие важно и вредно; и чем больше людей, тем более важны потребности эксплуатации, причем эта эксплуатация является как человеческой, так и нечеловеческой. Этот рост населения требует все более сложной социальной и иерархической организации, которая все больше внедряется в жизнь каждого человека, а также в межличностные отношения, зарывая все глубже перспективу горизонтального мира без каких-либо властей. Мы считаем — даже если у нас уже почти нет надежды, что это когда-нибудь произойдет — что одним из непереносимых условий мира, где будет царить анархия, является резкое сокращение человеческой популяции до такой степени, что город как социальная структура больше не будет иметь причин для существования.

Для нас такое сокращение населения за счет массовой гибели людей невозможно, поэтому единственное решение, которое мы предполагаем, — это сокращение числа рождений до порога роста. Мы против законов, поэтому, вопреки (ложным) решениям, которые могут быть реализованы некоторыми государствами, для нас это решение не должно быть принудительным, не должно быть результатом каких-либо ограничений, а должно быть результатом индивидуального размышления через анализ текущей ситуации, того, какой она может стать в будущем, и того, что каждый может сделать (или, скорее, не сделать) для реализации отказа от участия в гегемонии человека над Землей.

Мы призываем использовать эффективные средства контрацепции (что исключает ложные средства контрацепции, такие как «метод прерывания»), в том числе окончательные, и доступ к аборту (без подлых приемов манипу-

абортов, позиции, которая была авангардной в то время. Следует отметить, что в это время, когда контрацепция была практически не развита, большое количество рождений было нежелательным, многие семьи жили в бедности и не могли содержать детей и сделать их самостоятельными и ответственными личностями.

Во Франции неомальтузианство зародилось в 1895 году по инициативе Поля Робина, вдохновленного британским неомальтузианством и под влиянием теорий, основанных на евгенике, которые начали зарождаться в это время. Прискорбно, что неомальтузианство оказалось пропитано евгеникой. (Совершенно верно, что это течение с тех пор доказало свою научную несостоятельность.) Кроме того, Робин призывал к принудительному контролю рождаемости, что нам не подходит, поскольку, по нашему мнению, снижение числа рождений должно быть результатом личной рефлексии и поскольку основанное на евгенике стремление искоренить каждое «вырождение» было не только всегда иллюзорным, но и отражением желания создать уникальную модель человека, легитимного для жизни и деторождения. Тем не менее, не все неомальтузианцы принимали теории, основанные на евгенике. Можно прочесть книгу *La Limitation des Naissances. Moyens d'éviter les Grandes Familles* Эмилии Ламотт, даже если решения по контрацепции, которые авторка советует, уже устарели.

Тревожно отметить, что эти рассуждения существовали в XIX веке, когда на Земле было «всего» 1 миллиард человеческих существ, и что сегодня, когда нас в семь раз больше, никакого массового осознания не появилось.

Натализм: смертоносная идеология

Приходилось ли вам в ходе разговора говорить о том, что вы не хотите детей? Ответ на такое «оскорбление» часто один и тот же: «Сейчас ты так говоришь, а потом увидишь», «это естественно - хотеть детей», «ты эгоист», «ты не любишь детей», «ты закончишь жизнь в одиночестве» и т. д. Ответы очень часто возмущенные, ведь хотеть и заводить детей - это нечто очевидное, а противоположное обычно считается отклонением. Перед лицом этой очевидности те, кто не хочет заводить детей, должны оправдываться перед теми, кто следует естественному ходу вещей. К слову, возможность не хотеть детей редко возникает спонтанно; вы не услышите «Если у вас когда-нибудь будут дети», скорее «Когда у вас будут дети». Когда кто-то беременеет, человека поздравляют. Рождение ребенка считается прекрасным, позитивным и нормальным. И наоборот, решение не иметь детей сразу же воспринимается как негативное. Жизнь без детей обычно считается неполноценной. Это почти обязательное условие. Такое положение вещей объясняется пронаталистской идеологией. Насаждаемая нашим воспитанием, она выражается более или менее скрытно. Когда мы еще дети, нам прививают пронаталистскую идеологию через игру. Кто не играл с куклами — или «мамой и папой»? Эта обусловленность делает очевидным факт рождения детей и не оставляет места для возможности их отсутствия. Когда мы еще дети,

сти), а также шум, создаваемый деятельностью человека, нарушает размножение нелюдей.

Помимо создания территорий, предназначенных только для выращивания одной определенной культуры, производство продуктов питания для постоянно растущего населения требует сегодня, и тем более в ближайшие годы, если этот рост сохранится, чрезмерной эксплуатации почвы с помощью пестицидов, удобрений и ГМО, а значит, еще большей зависимости от промышленности. Эта сверхэксплуатация присуща капиталистическому миру, в котором мы живем, потому что мы должны производить всегда больше и быстрее. И эта промышленность, связанная с ГМО, удобрениями и пестицидами, всегда нуждается в большей эксплуатации людей, а также нелюдей (испытания на животных). Если мы хотим, чтобы однажды мы смогли обойтись без этой индустрии или значительно сократить ее, мы не видим, как это возможно при том количестве, в котором мы существуем сейчас.

Потребность в эксплуатации человека также логично возрастает с ростом населения. Человечество с более простым образом жизни, но не считающее правильным демографическое сокращение, продолжает испытывать базовые потребности. Мы только что увидели это на примере чрезмерной эксплуатации почвы для производства пищи, но ее также необходимо как минимум преобразовывать и распределять. Помимо пищи, существуют и другие базовые потребности, которые также требуют все большей эксплуатации: строительство жилья, медицина (производство лекарств, научные исследования и т.д.), производство минимума для того, чтобы вести соответствующий более простой образ жизни, производство инструментов и добыча сырья, необходимого для производства/строительства приведенных выше примеров, и т.д.

ационного) значительной части людей, также болеют и даже, по иронии судьбы, профилактически получают антибиотики, которые также попадают в реки. Эти антибиотики делают бактерии, с которыми они вступают в контакт, более устойчивыми, а значит, делают эти лекарства менее эффективными и даже совсем неэффективными.

Рост численности населения означает увеличение потребности в пространстве. Но оно ограничено, и мы занимаем его вместе со многими другими живыми существами. Это ограничение усиливается тем, что многие территории непригодны для жизни (пустыни, районы, загрязненные излишками человеческой деятельности, такие как Чернобыль, Фукусима и их окрестности, и т.д.). Чтобы распространиться, человечеству приходится колонизировать жизненное пространство других живых существ. В последние годы это особенно ярко проявилось в проектах по уничтожению водно-болотных угодий - мест, полных жизни в высшей степени. Точно так же перенаселенное человечество, даже если оно ведет более простой образ жизни, должно питаться. Эта потребность в пище требует территорий, предназначенных для ее выращивания (мы предпочитаем не обращать внимания на животное размножение на этом этапе, это только усугубляет проблему). Когда эти территории создаются, целые популяции животных перемещаются и даже уничтожаются. Не будем говорить о постоянном расширении городов, зон, предназначенных для развлечений (пляжи, зимние спортивные курорты, центры водных видов спорта, курортные поселки и т.д.), бизнес-парков и прочего. Помимо того, что эта колонизация перемещает или угрожает жизни целых популяций животных, и такие, казалось бы, безобидные занятия, как экскурсии на природу (особенно это касается любителей фотографии, которые отправляются в лес без соблюдения мер предосторожно-

наше будущее начинает рисоваться на нашем месте: мы будем участвовать в увековечивании человеческого рода.

Завести детей - это, наконец, в некотором роде желание увековечить себя, передав свое наследие. Это наследие может быть культурным. Многие родители проецируют через свое потомство то, кем они являются или кем хотели бы быть. Они хотят передать свои ценности (традиции, нравы и т.д.), свою историю, свои страсти, чтобы они сохранились со временем после их смерти. Ребенок, вместо того чтобы быть самостоятельной личностью со своими желаниями и стремлениями, становится вместилищем всего того, что решили вложить в него родители, а также довольно часто средством для увековечивания идеологии. Кстати, в некоторых кругах (особенно «марксоидных») можно встретить идею о том, что антинатурализм был бы буржуазной идеологией и что «пролетарии» должны заводить детей именно для того, чтобы обеспечить будущее пролетариата как революционного класса. Но эти дети, помимо того, что не всегда соглашались на ту роль, которую им хотят приписать, зачастую лишь пополняют ряды армий войны или работы, а также армий потребителей. Сотворить маленьких пролетариев, которые станут великими революционерами - это приманка; скорее всего, они станут солдатами Капитала.

Это наследие может быть и материальным. Так, родители стремятся обеспечить будущее своих отпрысков, когда те умрут или выйдут на пенсию. Это может быть сделано благодаря страхованию жизни, любой другой форме накопления или завещанию, согласно которому один из детей возьмет на себя семейный бизнес.

Наконец, это может быть генетический фактор. Нужно, чтобы род сохранился, чтобы фамилия передавалась по наследству. Таким образом, почти немисливо быть тем, кто положит конец потомкам. Нужно также сделать так,

чтобы род сохранился, потому что в участии в увековечивании человечества есть индивидуальный долг. Что касается возможности усыновления, то она довольно часто отвергается под тем предлогом, что воспитывать усыновленного ребенка - это не то же самое, что воспитывать ребенка из своей утробы, потому что он не похож на нас, потому что нет никакой «кровной связи» и потому что не усыновленный ребенок символизирует соединение обоих родителей и тем самым конкретное и физическое проявление их любви.

Эти три формы наследия активно участвуют в социальном воспроизводстве. Таким образом, владеющие классы продолжают владеть, эксплуатируемые классы продолжают эксплуатироваться, ценности передаются по бесконечному кругу, и в глобальном масштабе мир бесконечно продолжает оставаться таким, какой он есть. Хуже того, новые поколения не только воспроизводят мир в его нынешнем состоянии, но и, по простому наблюдению, стремятся укрепить, закрепить его состояние еще больше. Пример довольно небольшого количества технологических инноваций кажется нам красноречивым.

Для каждой крупной технологической инновации можно заметить, что иногда старые поколения настороженно и немного потерянно смотрят на новинку. Они знали мир раньше и знают, что могут прожить без него. Новые поколения, родившиеся в самом начале технологического скачка или сразу после него, в действительности не пережили этот переход. Таким образом, мир, в который они попадают, становится для них нормой. Новые инструменты, которые они получают в свое распоряжение, кажутся им гораздо более необходимыми, чем людям, пережившим этот переход. Различные силы, пользуясь энтузиазмом, вызванным этими новинками, особенно в сфере развлечений, могут таким образом создать еще больший контроль и

Каждое человеческое существование имеет последствия для окружающей среды, и, как мы уже говорили, мы считаем мир перенаселенным. Но человеческий гений добился того, что более или менее искоренил явления, позволяющие при перенаселении восстановить состояние равновесия (эпидемии, голод и т.д.). Таким образом, человек, учитывая его численность, представляет собой не что иное, как опасность для других живых существ. Нам могут возразить, что проблема кроется в нашем окцидентальном образе жизни, пропитанном потребительством и вопиющими расточительствами. На это мы ответим, что наш образ жизни действительно является частью проблемы, но даже если исходить из маловероятного предположения, что мы перестанем жить так, как живем сейчас, то, учитывая, как нас много, более простая и скромная жизнь в любом случае будет иметь вредные последствия для остальных живых существ.

Борьба против натализма кажется нам согласованной с борьбой против размножения. Действительно, если число вегетарианцев и веганов постоянно растет, то потребление продуктов животного происхождения и деятельность, требующая эксплуатации животных, не уменьшается. Это можно объяснить демографическим ростом.

Этот демографический рост также обостряет всевозможные проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды. Мы могли бы вести более простой образ жизни, продолжая выливать туда и сюда различные отходы. Приведем лишь один пример: нам трудно представить себе человечество, которое обходилось бы без лекарств. Но часть потребляемых нами лекарств выводится из организма с мочой, и, независимо от того, очищаются сточные воды или нет, они неизбежно попадают в реки. Это касается людей, но следует напомнить, что различные животные, выращиваемые для удовольствия (вкусового, но и рекре-

зование, которое должно формировать ребенка, доверяют учреждению и лишают их самих и их родителей этой важной части их жизни. Таким образом, мы оказываемся в совершенно невероятной ситуации, когда ребенок вынужден усваивать огромное количество знаний, которые он не выбирал и которые, в большинстве своем, благоприятствуют идеологии статистов и готовят его к чудесному миру труда. На эту тему нам кажется интересным прочитать еще один текст Эмили Ламотт, озаглавленный *L'Education rationnelle de l'enfance*. Но помимо этого, мы не хотим нести ответственность за образование, которое мы бы им дали.

Мы отказываемся навязывать им наш образ жизни, потому что он не может позволить им жить самостоятельно и для себя. Мы также не хотим разочаровываться в том, кем они могли бы стать в результате своего личного строительства.

Кроме того, мы не хотим, чтобы наши гениталии причиняли страдания (хотя бы те, что связаны с рождением ребенка). Мы скорее хотим, чтобы они позволяли нам испытывать удовольствие, и только удовольствие, наедине или с несколькими согласными на это людьми. Стремление к деторождению, наконец, может привести к тому, что половой акт станет для человека механическим заданием, которое так же плохо, как работа на сборочном конвейере. Когда после рождения ребенка пара не выдерживает и распадается, родители очень часто вынуждены продолжать встречаться. В этом случае ребенок становится как цемент, который больше не нужен.

Причины, о которых мы говорили до сих пор, проистекают из личных чувств. Тем не менее, деторождение затрагивает не только тех, кто его совершает, но и других людей и нелюдей. Таким образом, причины, побуждающие нас не хотеть детей, также проистекают из анализа мира, в котором мы живем, и роли человека в нем.

наблюдение, обеспечивая при этом очень незначительное сопротивление. Например, познакомив людей с системой распознавания лиц, которая теперь доступна на многих смартфонах, им будет сложнее отказаться от ее использования, когда им придется использовать ее для входа в здание, особенно если за ней скрываются благие намерения. Это воспроизводство и усиление проявляются не только в технологических инновациях. Пример правительственных реформ также относится к этому явлению. Новый закон становится заметным только тогда, когда он еще только проект и когда его выносят на голосование. Новые поколения, которые приходят после голосования и реализации закона, уже не видят его и гораздо реже выступают против него. Поколение за поколением мир, в котором мы живем, укрепляется, и направление, в котором он движется, подтверждается.

Модель семьи в массовом порядке никогда не подвергается сомнению. Даже в совместимой-с-капитализмом среде ЛГБТКИА+ естественный порядок вещей - найти партнера, вступить в брак, завести детей и внести свой вклад в воспроизводство общества в том виде, в котором оно существует в данный момент. Таким образом, даже если мы понимаем борьбу некоторых людей, которые хотят иметь возможность воспользоваться услугами вспомогательных репродуктивных технологий и суррогатного деторождения, мы считаем, что очень жаль, что дебаты на эти темы ограничиваются рамками «за или против» и не ставят под вопрос само деторождение. Доминирующее мышление толкает людей к воспроизводству гетеро-модели и стремлению к интеграции в общество. Исходя из этого, как написано в *Bædan 1: Journal of Queer Nihilism*, ребенок становится символом будущего, надежды и подразумевает жертвы, которые приносятся в готовность к следующим поколениям.

На национальном уровне, начиная с кампаний в поддержку рождаемости и заканчивая социальными пособиями, все делается для того, чтобы пары заводили детей. Ребенок - это движущая сила экономики, и публицисты это прекрасно понимают. Это также национальная гордость; рождаемость - фактор роста, позволяющий конкурировать с другими странами. Таким образом, рожать - это долг перед нацией, и когда у человека еще нет ребенка, ему охотнее советуют временные средства контрацепции, чем окончательные. В том же ключе люди, которые могут родить, подвергаются чрезмерной медикализации: с момента полового созревания и до менопаузы им рекомендуется ежегодный гинекологический осмотр, чтобы убедиться, что «все работает отлично», что человек сможет, в частности, выполнять свою репродуктивную роль. Это еще одна область, в которой общество присваивает себе право на осмотр.

Людей, которые отказываются принимать пронаталистскую идеологию и, как следствие, отказываются заводить детей, часто считают эгоистами. Но желание не иметь детей не более эгоистично, чем желание иметь их. Однако, что является наиболее авторитарным между отказом от навязывания существования тому, кто еще не существует (и кто никогда не будет страдать от того, что не существует), или навязывание существования тому, у кого не будет другого выбора, кроме как существовать?

Нельзя не задаться вопросом, не является ли рождение детей скорее общественным предписанием, чем личным желанием.

В этой связи часто выдвигается возражение, что рождение детей - это часть естественного порядка вещей и что «материнский инстинкт толкает женщин к деторождению». Женская идентичность неразрывно связана с материнством, и нередко можно услышать, что кто-то никогда

Против перенаселения, против уныния нормальности

Какой смысл скрывается за тем, чтобы навязать ребенку мир таким, какой он есть сейчас? Чисто с точки зрения эксплуатации - это обречь его на роль либо преследователя, либо жертвы. Поскольку они считаются неполноценными, насилие - физическое, психологическое или сексуальное - не редкость, а иногда приводит к смерти. Если оно влечет за собой непосредственные последствия (раны, смерть, инфекции, передающиеся половым путем, и т.д.), то оно также формирует то, как ребенок, став взрослым, будет воспринимать мир, неся с собой последствия, которые часто воспроизводят предыдущие. Даже если решения принимаются, они могут быть недостаточными, учитывая, что (почти) все в этом обществе имеет тенденцию порождать насилие. Почти ни один из структурирующих факторов этого мира (власть, нация, работа, школа, религия, гендерные нормы и т.д.) не будет отвечать их интересам.

В условиях, когда наша жизнь обделена, ответственность за ребенка (или нескольких) отнимает у нас немного больше свободы. Кроме того, ребенок нуждается во внимании и терпении. Но в нестабильных экономических условиях и/или после тяжелого рабочего дня удовлетворить их ожидания становится сложно. Сколько людей оставляют заботу о ребенке на других (родственников, няню...)? Обра-

редавать по наследству наши гены, нашу культуру и наши материальные блага. Кроме того, «женщины», которые отказываются заводить детей, обычно рассматриваются как люди, которые в конце концов состарятся и озлобятся. В этих рассуждениях прослеживается скорее общественный запрет, чем биологическая потребность. Точно так же «мужчины», которым делают вазэктомию, считаются менее мужественными и непригодными для выполнения своей роли. Наряду с этим стерилизованные женщины считаются бесполезными, поскольку не могут выполнять свою роль. Именно так обычно отговаривают людей от стерилизации, особенно если они считаются «женщинами».

Запрет на деторождение предшествует запрету на сексуальность, что приводит к презрению не только к негетеросексуальным, но и к асексуальным людям. Независимо от того, является ли человек асексуальным или нет, никто не имеет права определять использование наших гениталий. Исторически религиозные, семейные и гендернонормативные авторитеты способствовали укреплению этого запрета, будь то осуждение аутосексуальности¹, калечение гениталий, запрет на сексуальные отношения до свадьбы или отказ от негетеросексуальных членов семьи только потому, что они не обеспечивают род.

¹ Мы предпочитаем термин «аутосексуальность», который напоминает, что это тоже форма сексуальности, которая не только имеет право на существование сама по себе, но и может быть включена в любой сексуальный контакт между несколькими людьми, не квалифицируясь как «прелюдия». (Аутосексуальность — это сексуальная активность с участием только одного участника. Например, мастурбация, но не только. — прим. ред.)

не чувствовала себя более женщиной, чем после рождения ребенка. Таким образом, вместо того чтобы искать легитимность, выходя из ролей, которые эта идентичность индуцирует (рождение детей, забота о них и домашнем хозяйстве и т.д.), для нас более актуальным является отказ от этой идентичности. А поскольку женская идентичность существует только в сравнении с мужской, мы считаем, что эта идентичность также должна быть отвергнута.

”Претендовать на женскую идентичность, отвергая материнство, - значит расстраиваться, как муха, которая думает, что сможет пройти сквозь стенки банки, в которой ее поймали. Женская идентичность общесубстанциальна с деторождением. Термин «женщина» сам по себе является предписанием к материнству».

- Присцилла Турай

Кроме того, помимо нежелания иметь детей, следует рассмотреть еще одно очень табуированное явление: сожаление о том, что вы стали родителем, и даже больше - сожаление о том, что вы стали матерью. Если родительство - это опыт, который многие хотят пережить, то есть и те, для кого это не так. Когда родители набираются смелости заявить об этом сожалении, они часто встречают враждебную реакцию. Это даже более касается «женщин», которые должны выполнять роль матери и которых считают одиозными людьми за отказ от этого. Однако это сожаление не обязательно означает отсутствие любви, несмотря на отсутствие желания в родительских отношениях. Есть разница между любовью, которую человек может испытывать к своим детям, и гнетущей ответственностью за них на протяжении всей жизни. Но даже если любви не хватает, необходимо проанализировать причины, которые приве-

ли к такому положению вещей, не обвиняя тех, для кого это так. Учитывая, что материнство возводится в ранг высшей добродетели женской идентичности, неудивительно, что «женщин» неправильно оценивают, если им случается признаться в этом сожалении, что толкает их на удержание своих чувств.

Жизнь с ребенком не обязательно inferнальна, но она связана с большими обязанностями, к тому же нарушающими привычный уклад жизни, что, по нашему мнению, должно быть более взвешиваемым, прежде чем сделать выбор в пользу появления ребенка на свет (не стоит говорить о том, что человек должен быть в состоянии сделать этот выбор). Сколько людей уделяют меньше времени своему увлечению или отказываются от различных повседневных занятий (творческих, интеллектуальных, развлекательных или просто сна), чтобы иметь возможность заботиться о своем ребенке? Даже если очень часто приходится слышать, как некоторые родители говорят, что они устали, расстроены, можно предположить, что это меньшее зло, которое того стоит. Но это меньшее зло, которое не должно быть предписано тем, кто этого не хочет. Стоит отметить, что «мужчина», который потерян, потому что не может принять ребенка, биологическим отцом которого он является, для нас просто мудака. Неужели эти минуты радости позволяют игнорировать все то, что подразумевается при создании одного или нескольких детей? Вместо того чтобы побуждать к рациональному выбору, пронаталистская идеология умалчивает о недостатках родительства и натурализует стремление к деторождению. Так, последнее очень часто основывается на контакте с детьми в позитивных контекстах (когда у других людей из семьи или друзей есть дети, или когда вы видите их играющими в парке, например), и именно миловидность и все, что ребенок может внушить из положительных эмоций, становятся

на пути. Издержки, которые влечет за собой ребенок, бессонные ночи, слезы, почти обязательство все больше и больше встраиваться в общество, очень часто незаметны и поэтому (почти) не принимаются во внимание при выборе ребенка.

Еще до того, как жить с ребенком, человек должен знать, будет ли он в состоянии взять его на себя (экономически, эмоционально, сентиментально и т.д.). В обществе, которое стремится к непрерывному самовоспроизведению, где работа составляет большую часть нашего времени, «женщин» призывают посвятить свою жизнь Богу, отцу, партнеру, начальнику, а не себе. Когда в эту повседневную жизнь вклинивается ребенок, времени на себя всегда остается меньше. Когда человек привык видеть, что его жизнь обкрадывают, у него не остается времени подумать о том, что не так, потому что он отвлечен навязанной нам повседневностью.

Те немногие «женщины», которые не хотят быть матерями, могут услышать, что «это позорно по отношению к тем, кто не может иметь детей». Это что-то вроде «стыдно не голосовать, в то время как люди за это боролись» или «стыдно не доест всю тарелку, в то время как другие умирают от голода». Мы не очень понимаем, как вынашивание вернет бесплодным фертильность, как возникнет исторический долг уважения, и даже как доедание целой тарелки может решить проблемы, присущие капитализму и национализму, но эти три примера показывают, что нас толкают к воспроизводству мира таким, какой он есть, вместо того чтобы изобретать его таким, каким мы сами хотим его видеть. Это не что иное, как логика рабства.

Для нас рождение детей – это скорее культурный феномен, чем биологическая обязанность. В самом деле, если мы не можем жить без дыхания, сна, питья или еды, мы можем жить без деторождения. Мы просто решаем не пе-